

Значительная часть этой книги была написана
в международном приюте для писателей,
в шотландском замке Хоторнден.
Благодарю госпожу Дрю Хайнц за гостеприимство
и щедрость, администратора Хэмиша Робинсона —
за вдохновение и заботу, Олега Дозморова,
Дмитрия Харитонов и Бориса Ланина —
за то, что помогли проложить дорогу в Шотландию.

КРОМЕ ТОГО, Я ХОЧУ СКАЗАТЬ СПАСИБО:

моим родителям — за всё;
моему издателю Елене Шубиной,
литературному редактору Галине Беляевой
и другим сотрудникам лучшей в мире редакции —
за профессионализм;
Виталию Михайловичу Воловичу, Марине Соколовской,
Никите Корытину и Татьяне Михайловне Трошиной —
за то, что помогли Вере Стениной
освоиться в мире искусства;
Юлии Ильницкой — за то, что верила и веришь в меня;
Татьяне Алексеевне Сабрековой, моей опоре и другу;
Ройстону Тестеру — за то, что убедил меня в том,
что число «42» ничем не хуже числа «40»,
если речь идёт о количестве глав;
а также Екатерине и Наташе Щербаковым,
Анне Мкртчян и Екатерине Ружьевой —
за дружбу и поддержку.

АВТОР

Дайте мне девочку в соответствующем
нежном возрасте, и она — моя на всю
жизнь.

МЮРИЭЛ СПАРК

ЧАСТЬ I

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Начать славную вещицу так, чтобы любой мог заметить, что славная вещица начата, — это уже кое-что.

ГЕРТРУДА СТАЙН

Евгения кричала так громко, что Вере пришлось положить трубку динамиком вниз. Теперь Евгения кричала в стол, как писатель без надежды на публикацию. И всё равно было слышно:
— Приезжай!

За окном — Грабарь. Берёзки — перепудренные красавицы.

«Завидовать — нехорошо», — говорила Тонечка Зотова из старшей группы детского сада. Вера попыталась вспомнить Тонечку, но память не откликнулась, да и альбом с детскими фотографиями неизвестно где. Голосок-то звучал, а вот на месте лица детсадовской подружки чернел пустой овал — как в парках развлечений. Подставь физиономию — и превратишься в принцессу, разбойника или Тонечку Зотову, мастера моральной оценки.

Завидное качество — никому не завидовать.

Вера бросила мобильник под подушку. За стеной визжала дрель. Соседи вложили в ремонт всю свою душу, и теперь эта душа колотила и сверлила там с утра до вечера. А Вера, между прочим, работала дома. Точнее, пыталась работать — обычно дрель побеждала, и Вера уходила в кафе, как Жан-Поль Сартр, но и там было немногим лучше. Музыка, официанты, посетители. Кофеварка ворчит, ложки падают — не сосредоточишься.

Лару дрель не беспокоила — дочь спала под строительные визги чуть не до обеда, а проснувшись, смотрела на часы. Когда Вера впервые увидела, как Лара смотрит на часы, она решила, что дочь повредила умом. Так обычно смотрят на самых любимых людей накануне вечной разлуки. А здесь — часы. Три стрелки, вечный круг, квадрат нам только снится...

— Ждёшь чего-то? — спросила Вера. Вспомнила, как сама в детстве подгоняла часы с минутами.

Лара перевела взгляд на мать — точно стрелка скользнула по циферблату:

— Смотрю, как проходит время.

Вчера Вера сняла часы со стены и грохнула об пол — вот прямо с удовольствием! Секундная стрелка жалобно согнулась, минутная показывала на дверь — как пальцем. Иди отсюда!

— Полегчало? — холодно спросила дочь. Отвернулась к стене и снова уснула — с подушкой-думочкой на голове. Она постоянно спала — другие люди разве что в поезде столько спят. Или в больнице.

В телевизоре, который Стенины слушали, почти не глядя на экран, кто-то в очках спрашивал у какой-то белокурой:

— Когда ты в последний раз была счастлива?

Вера подумала, что в её случае честный ответ прозвучал бы так: «Я была счастлива, когда проснулась ночью и увидела, что до звонка будильника ещё целый час!»

Но в возрасте Лары, в свои собственные девятнадцать лет, Вера не стала бы смотреть на часы — наоборот, это они глядели на неё ночами с укоризной. Без десяти два у часов выросли гневные испанские брови — где ты бродишь, почему не спишь?

Юные годы Веры Стениной пришлись на середину девяностых. Конечно, если бы её спросили, она выбрала бы другое время — да и место тоже. Но её не спрашивали, поэтому в девяностых Вера жила в Екатеринбурге, училась на искусствоведа и дружила с бывшей одно-

классницей и будущей журналисткой Юлей Калининой, ныне известной как Юлька Копипаста.

Память заговорила, Лара спала, дрель верещала.

Пять минут назад Вере позвонила Юлькина дочь Евгения — годом старше Лары. Кричала в трубку, плакала. Сказала, что не может дозвониться до матери — та и вправду находилась с мобильником в сложных отношениях. Теряла, забывала, не слышала, случайно перезванивала и молчала. Вера вопила: «Алло!» — на дне сумки, а Юлька не отвечала. «Это тебе сумка моя звонила», — шутила потом Копипаста.

Прозвищем своим Юлька гордилась, так как заслужила его в честном бою с новым редактором родного журнала — его спустили на этот пост сверху, как Супермена. Он и был Супермен, во всяком случае с виду. Карандаш в кулаке — как зубочистка, из-за плеч не видно окна, и даже волосы такой густоты, что в парикмахерских с него брали «за две головы». А вот какие у редактора глаза, никто не помнил, потому что он постоянно улыбался и все отвлекались на эту улыбку. Глаза были всегда сощурены, цвет — на втором месте.

До того как приземлиться в редакции, Супермен работал в детско-юношеской спортивной школе — учил способных свердловских малюток основам карате. Эта профессия открывала в девяностые годы широчайшие возможности, и Супермен не стал ими пренебрегать. То есть он не светился рядом с главными авторитетами, но всегда присутствовал неподалёку. Первый справа за границей фотокарточки, он был, безусловно, своим.

Сейчас по пятам за Суперменом ходят дотошные журналисты, спрашивают — вы правда близко знали самого В.? И Мишу К.? А сами, скажите, убивали? Супермен в таких случаях отшучивается, и если журналисточка хорошенькая — может легонько дотронуться до её носика и напомнить о судьбе любопытной Варвары. Когда же разговоры про мафию девяностых заходят публично, в прямом эфире, Супермен улыбается так, что вот-вот —

и губы порвутся. Каким от него в этот момент шибает холодом! Будто это не живой человек, а сосуд Дьюара с жидким азотом.

Супермен цивилизовался первым, это о таких потом стали говорить — «Бизнес с человеческим лицом». Имелся рядом друг-советчик, сейчас проживает в Швейцарии, а тогда вовремя втолкнул бывшего спортсмена в политику. Двери там открываются редко и ненадолго, упустишь момент — жди следующего случая. Супермен не упустил — сначала стал депутатом городской думы, потом — областной, затем ткнулся в Государственную, и вот здесь ему впервые не повезло. Один журналист, москвич с уральскими корнями, спешно решал проблему обучения сына в Великобритании. Сын был способным, но не настолько, чтобы в Великобритании согласились учить его совсем уж бесплатно. Журналист срочно искал деньги, и тут подвернулся заказ — снять с дистанции Супермена. Слишком уж мускулистым показался, таким обычно не дают даже стартовать — а вдруг победят? В ход пошли документы, фотографии, записи телефонных разговоров — Супермен был осторожен, но молод и предвидеть всего не мог. Нервус рерум* — видеозапись всех свердловских авторитетов, где за одним столом сидели призраки легендарных лет, и рядом с В. засветился вполне узнаваемый, хоть и с дурацкой чёлкой, Супермен. Журналист получил свои деньги, сын улетел в Англию, а Супермена сбросили с планеты «Государственная дума» на планету «Свердловский областной журнал». Аутсайдеров по традиции не спрашивают, чем бы им хотелось заниматься.

Журналистов Супермен вполне объяснимо ненавидел, хотя и не переставал улыбаться каждому своему сотруднику. Первым делом он решил освежить пространство, уволив самые неперспективные кадры. Ими были сочтены все, кроме спортивного обозревателя Корешева, ко-

* *Nervus rerum* — дословно «нерв вещей»; самое главное, суть чего-либо; главное дело; важнейшее средство (*лат.*).

торый, впрочем, предпочитал восточным единоборствам плебейский хоккей — но с этим можно было что-то сделать. Прочих работников, включая узбекскую уборщицу, новый редактор собрал в своём кабинете, обставленном плюшевой пыльно-зелёной мебелью, и рассматривал их, качаясь с пятки на носок. Улыбка у него была страшная, как у злодея, который вот-вот прикончит главного героя, но пока лишь наматывает хронометраж, расписывая в красках вехи своего трудного пути.

— Я с трудом понимаю, зачем сегодня нужны журналы, — сообщил Супермен коллективу. — Вся информация есть в интернете, бери да читай.

— А там она, по-вашему, откуда берётся? — возмутился корреспондент отдела культуры. — Журналисты и пишут.

— Я думаю, — сказал Супермен, не переставая улыбаться, — что мы будем брать материалы в интернете. И нам не требуется такой большой коллектив.

Вот тогда-то вперёд шагнула Юля Калинина — ей не хватало только знамени в руках! Вместо знамени Юлька держала в руках свежую газетную полосу.

— То есть будем копипастить?

— Чего? — испугался Супермен. Он был далёк от компьютеров, и нужные сайты для него открывала секретарша.

— Копипаста, — объясняла Юлька, размахивая полосой, — это воровство. Вы копируете текст в одном месте, а потом вставляете его в другое.

— Вставляете... — механически повторил Супермен, и слово это, без того сомнительное, прозвучало в его устах совсем уже неприлично.

Юлька улыбнулась. Какие ямочки! А ножки! Вот кого увольнять не следовало категорически.

— Товарищи, — это обращение Супермен подцепил в Думе, как вирусную инфекцию, и всё никак не мог вылечиться, — прошу разойтись по местам и приступить к работе.